

Император Чэнь Лан весьма высоко оценил понимание Се Лянем долга государственного чиновника.

В то же время он пожаловал еще одну милость Се Сыхэну, который строго следовал воле отца и остался в столице:

Тот поступил на службу в Палату дознания личной гвардии, превратившись из военного чиновника при принце прямиком в военного чиновника при самом Сыне Неба.

Вскоре Палату дознания личной гвардии переименовали в Цзиньивей, и она стала еще сильнее ассоциироваться с личным доверием императора, привлекая к себе всеобщее внимание.

Однако Се Сыхэн затаил глубокую обиду на отца за то, что тот помешал ему отправиться на северные рубежи.

И дело было не только в том, что он теперь далеко от Князя Дая по имени Чэнь Со — единомышленника и брата по духу.

Куда сильнее его терзало то, что пламя чувств к той девушке, вспыхнувшее посреди ледяной пустыни, в череде смертельно опасных побегов, было безжалостно исторгнуто, словно хищный ливень, ломающий молодые побеги.

Вдобавок к этому Се Сыхэн охладел даже к старшему брату Се Хуайкану, с которым прежде был так близок, и по-прежнему нежно любил лишь маленького племянника.

В этот момент Се Хуайкан, намеренно вошедший в комнату, чтобы разрядить напряженную обстановку, сначала похвалил Се Сыхэна, а затем почтительно обратился к Се Ляню: Отец, во время прошлого чтения лекций один из принцев задал мне вопрос об отрывке из Мэн-цзы, который касается долга правителя и подданных. Я не осмелился давать поспешных объяснений и прошу вас помочь мне разобраться.

Се Лянь понял, что старший сын пытается сгладить углы, и повернулся к младшему: Сыхэн, ты провел на ногах целый день, ступай поужинай. Мы с твоим старшим братом поедим в кабинете.

Се Сыхэн с суровым лицом откланялся.

Се Лянь тяжело вздохнул и, глядя на подошедшего Се Хуайкана, произнес: Если Второй хочет винить меня, пусть винит — сколько угодно. После той страшной трагедии в императорском городе Фэнъян я решительно не могу быть спокоен за него, отправляйся он в военачальники за пределы столицы, пусть даже в уделы удельных князей. Второй рожден твоей матерью ценой ее жизни, я должен присматривать за ним, чтобы на небесах она не держала на меня зла.

Се Хуайкан утешил отца: Младший брат в душе по-прежнему глубоко уважает вас. В прошлом

году, вернувшись из Фэнъяна по делам службы, он специально рассказал мне, что в районе Хуайси до сих пор вспоминают, как в год той страшной катастрофы тогдашний помощник министра общественных работ Се рисковал жизнью с протестом, благодаря чему удалось спасти жизни тысячам мастеров.

Услышав это, Се Лянь пробормотал: Прошло двадцать лет, как же быстро летит время.

Двадцать лет назад, на пятый год правления Синхэ, император Чэнь Лан развернул масштабное строительство на своей малой родине в Чучжоу, желая перенести столицу Великой Лю из Интяньфу в те места, откуда возвысился его род.

Однако, едва основные очертания императорского города начали проступать на местности, некто донес властям, что один из полководцев-основателей государства, Господин цюн Ли, объединился с даосскими колдунами и через строителей, возводивших городские стены, заложил под основание столицы магический массив, призванный погубить династию Чэнь.

В страшном гневе Чэнь Лан казнил Господина цюн Ли, а заодно вознамерился истребить всех мастеров, строивших императорский город в Фэнъяне — более трех тысяч человек.

В том грозном деле занимавший тогда пост правого помощника министра общественных работ Се Лянь вышел вперед перед лицом всего двора и произнес: Разве у резчиков по дереву, создававших изящные балки и колонны, у маляров, и даже у садовников, что еще не ступали на строительную площадку для высадки цветов и деревьев, была хоть какая-то возможность заложить в фундамент зловещие предметы? Умоляю Ваше Величество проявить милосердие и пощадить жизни мастеров этих ремесел.

Чэнь Лан удовлетворил его прошение, сослал на границу те категории ремесленников, за которых заступился Се Лянь.

Теперь же, когда Се Хуайкан напомнил о тех давних событиях, на лице Се Ляня не отразилось ни облегчения, ни утешения — в его глазах застыли лишь боль и беспомощность.

Тех, кого он спас, все равно оказалось слишком мало.

Спустя долгое время старик пришел в себя и спросил старшего сына: К слову, ты ведь говорил, какую именно цитату из Мэн-цзы попросили тебя разъяснить члены императорской семьи?

Се Хуайкан расправил полы хаоланя, сел на нижнее место и ответил: Если правитель смотрит на подданных как на грязь и солому, то подданные смотрят на правителя как на разбойника и врага.

Рука Се Ляня, поднимавшая чашку с чаем, замерла.

Как и у отца, мягкое выражение с лица Се Хуайкана исчезло без следа.

Нахмурившись, он произнес: Сын, услышав такой вопрос от принца, сперва тоже испугался, но, к счастью, отец давным-давно объяснил мне, как действовать в непредвиденных ситуациях на посту наставника принцев. Я тут же достал изданные Его Величеством и только что пожалованные сановникам Наставления для пользы мира, открыл главу о Пути чиновника и сказал принцам, что хотя Мэн-цзы и был мудрецом древности, со времен его жизни минуло слишком много лет. Если члены императорского рода и все чиновники двора желают уразуметь суть правильного отношения между монархом и подданными, им следует внимательно изучить новые каноны, написанные самим императором.

Се Лянь с облегчением выдохнул, опустил чайную чашку и одарил старшего сына одобрительным взглядом.

В этих словах старшего сына, даже дойди они до ушей императора, нельзя было отыскать и тени изъяна.

Се Лянь потер виски: Какой из принцев задал этот вопрос о словах Мэн-цзы?

Девятый принц Чэнь Гуй.

А, он ведь только что получил титул, но еще не отправился в удел.

Да, отец, осенью он справит свое пятнадцатилетие и после этого отбудет в Лучжоу.

Се Лянь снова спросил: Кто еще был в Зале Вэньхуа в тот день? Как они себя вели?

Еще там находился внук-наследник, двое младших принцев без титулов, несколько мелких евнухов, подававших кисти и тушь, а также мой подчиненный — редактор Академии Ханьлинь Фан Цюань. Все слуги и господа из императорской семьи молчали. Сначала академик Фан записывал происходящее, но потом отложил кисть. Я велел ему зафиксировать всё как есть и, как водится после каждого занятия, отправить по одному экземпляру в Академию Ханьлинь и Министерство ритуалов.

Се Лянь прищурился, припоминая: Наставником редактора Фаня доводится министр финансов Мао Цзянь, верно?

Се Хуайкан кивнул: Отец абсолютно прав. На второй день после происшествия в поместье Мао редактор Фан взял отпуск в академии, чтобы навестить раненого Мао Цзяня.

Произнося это, Се Хуайкан мысленно подумал: отец уже три года как удалился от дел по болезни и в столичном чиновничьем кругу держится так, будто отрешился от мирской суеты, однако на самом деле он по-прежнему превосходно осведомлен обо всех течениях при дворе.

Се Лянь откинулся на спинку кресла тайши и, пристально глядя на письменные принадлежности на столе, с глубоким чувством произнес: Далан, хоть на тебе сейчас и надето лишь чиновничье платье шестого ранга, ты уже служишь в самом сердце государственных дел, так что должен быть предельно осторожен, чтобы кто-нибудь не воспользовался тобой как орудием в чужих руках. Ныне император в годах, наследный принц хил здоровьем, внук-наследник еще юн, а удельные князья, особенно пять великих князей пограничных рубежей, находятся в расцвете сил. К тому же Его Величество сильно охладел к военачальникам...

Что случилось с отношением Его Величества к военачальникам? — с наивной растерянностью спросил Се Хуайкан. — Если бы Цинь Фан на этот раз не сгинул в беде, разве ее не собирались возвысить до титула государыни-герцогини?

Да что толку в этом титуле? За тысячелетия разве мало казнено было герцогов при разных династиях? — лицо Се Ляня помрачнело. — Далан, Маркиза Цинь на сей раз хоронят на горе Цинляньшань. Неужели ты не чувствуешь здесь чего-то неладного?

Се Хуайкан опустил взгляд, глубоко задумавшись, и внезапно прозрел: Прежде военачальников и знатных особ, павших в бою или умерших от болезней, хоронили в Мавзолее Сяолин... Выходит, начиная с Маркизы Цинь, Его Величество больше не позволяет военным заслуженным сподвижникам неимператорской крови покоиться в императорской усыпальнице?

Се Лянь закрыл глаза и вздохнул: Завоевание Подданной и управление ею — вещи изначально совершенно разные. Даже к такой прославленной своими воинскими подвигами женщине-маркизу без мужа и детей, как Маркиз Динъюань Цинь Фан, император больше не относится с прежней теплотой. На похоронах не присутствовал никто из находящихся в столице принцев, герцогов и маркизов — всё иначе, чем на прощаниях с родовой знатью прежде. Это предостережение для тех из основателей династии и их потомков, кто еще жив.

Тогда... отец, следует ли мне в последнее время приглядывать за Вторым? Боюсь, он не так быстро сможет смириться с гибелью Маркизы Цинь и ее приближенных.

Се Лянь кивнул: Я как раз собирался тебе это напомнить. Второй ценит верность и долг, он хороший парень, но мертвых не вернуть. Пусть же не проявляет детского упрямства: из привязанности к прошлому не стоит пренебрегать запретами и гневить тех, кого гневить нельзя.

Слушаюсь, отец, сын запомнил.

<http://bllate.org/book/21831/2261325>